

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. Е. ЗВЕРЕВА

Е. Ю. Захарова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 января 2010 г.

Аннотация: в статье анализируется археологическая деятельность известного воронежского краеведа С. Е. Зверева (1860–1920), внесшего значительный вклад в становление региональной археологии в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: археология, археологический памятник, археологический съезд, археологическая экскурсия, археологические раскопки.

Abstract: the article examines the archaeological work of the famous Voronezh ethnographer S. E. Zverev (1860–1920), who has made a significant contribution to the establishment of regional archaeology in the late XIX – early XX centuries.

Key words: archaeology, archaeological sites, archaeological congress, archaeological tours, archaeological digs.

Стефан Егорович Зверев (1860–1920) относится к числу известных воронежских исследователей-подвижников, заложивших в начале XX в. в губернии основы исторического краеведения. Инициатор создания губернского музея, один из учредителей Воронежской ученой архивной комиссии и Воронежского церковного историко-археологического комитета, он по праву может именоваться лидером воронежского краеведения начала XX в.

Хотя вклад С. Е. Зверева в изучение светской и церковной истории Воронежского края еще не стал предметом специального исследования, определенные шаги в этом направлении уже сделаны [1, 2]. Достаточно полно представлена в публикациях биография С. Е. Зверева [3, 4], что избавляет от необходимости останавливаться на этом сюжете в данной работе и позволяет непосредственно перейти к анализу его археологической деятельности.

Известно, что после окончания в 1884 г. Московской духовной академии и до приезда в Воронеж С. Е. Зверев на протяжении трех лет работал инспектором Рязанской духовной семинарии. Уже в Рязани начинается его краеведческая деятельность, а вот занятия археологией связаны исключительно с воронежским периодом жизни.

Став преемником Л. Б. Вейнберга в должности секретаря Воронежского губернского статистического комитета (ВГСК) (являлся его действительным членом с 9 февраля 1888 г.,

служил в должности секретаря ВГСК с 3 сентября 1891 г. по 12 сентября 1894 г. [4, с. 153]), С. Е. Зверев продолжил и начатые им археологические исследования на территории губернии. К этому времени ВГСК уже отладил механизм взаимоотношений с Императорской археологической комиссией (ИАК) по вопросам учета случайных находок древностей и проведения на месте их обнаружения археологических изысканий. Первым опытом работы С. Е. Зверева в этом направлении становится обследование места находок древних металлических изделий в торфянике близ дер. Скакун Касторенской волости Землянского уезда Воронежской губернии (ныне Курская область) [5, 6].

В конце 1891 г. в ИАК через воронежского губернатора (1 ноября 1891 г. № 192 [5, л. 1]) поступили случайные находки: довольно значительных размеров каменный молот, найденный в слободе Марченковой Ольховатской волости Острогожского уезда при выборке земли из кургана, и два массивных бронзовых топора с низкой втулкой на конце, свернутое из пластинки бронзовое долото и тонкая пластинка с расширенным концом, найденные близ дер. Скакун Касторенской волости Землянского уезда. Так как упомянутые бронзовые предметы были найдены под толстым слоем торфа и, следовательно, представлялась некоторая вероятность того, что вместе с ними могли оказаться и другие интересные вещи, то ИАК обратилась к секретарю ВГСК Звереву (№ 371 от 23 марта

1892 г. [5, л. 17]) с просьбою осмотреть место находки и, в случае возможности, произвести там разведки (выделив на эти работы 50 руб. – Е. З.), что последним и было выполнено [6, с. 41].

Первый открытый лист на имя С. Е. Зверева (№ 859), дающий ему право на проведение археологических работ в пределах дер. Скакун Касторенской волости Землянского уезда Воронежской губернии, датируется 13 июня 1892 г. [5, л. 30]. Сама же поездка состоялась с 6 по 13 сентября 1892 г. [5, л. 33–34]. К моменту приезда С. Е. Зверева местными крестьянами в том же торфянике были найдены еще два бронзовых топора и долото. Под его руководством силами шести нанятых рабочих было раскопано три участка в местах обнаружения находок, но безрезультатно. Обследовал С. Е. Зверев и близлежащую местность от дер. Скакун до с. Касторного, где были выявлены «городище типа майданов (впоследствии В. А. Городцовым и А. А. Спицыным было доказано, что майданы представляют собой раскопанные курганы. – Е. З.), носящее в местном населении название «Рубленая могила»... и низкий курган с несколькими впадинами наверху на расстоянии 10 сажень от него...» [5, л. 27–28; 6, с. 42]. Отправленный в ИАК в январе 1893 г. отчет о проведенных изысканиях был заслушан в заседании комиссии, и в адрес Зверева было отправлено письмо со словами «искренней благодарности за добросовестное исполнение возложенного на Вас поручения» [5, л. 38]. Все найденные вещи поступили в фонды Императорского Российского исторического музея (ныне ГИМ) [5, л. 13, 16, 39].

Помимо уже указанной публикации в ежегодных отчетах ИАК, являющейся сокращенным вариантом присланного С. Е. Зверевым в ее адрес научного отчета (подробная публикация обстоятельств находки «скакунского клада» осуществлена в 1959 г. В. П. Шиловым [7, с. 23]), материалы, полученные С. Е. Зверевым в ходе его первой экспедиции, были использованы им же в своих первых печатных трудах по археологической проблематике [8, 9] и дебютном выступлении на IX Археологическом съезде (г. Вильно, 1–15 августа 1893 г.) [10].

Первой публикацией С. Е. Зверева по археологии является его газетная статья, явившаяся откликом на призыв «Правительственного вестника» собирать сведения «о русских

исторических памятниках, в особенности допетровского времени». Сообщая о находящихся в Воронежской губернии курганах и городищах, среди последних он упоминает и «городище «Рубленые Могилы» под с. Касторным Землянского уезда, связанное в народных преданиях с именем страшного разбойника Кудояра, но имеющее за собою более древнюю историю» [8]. Сами же скакунские вещи вошли под № 16, 17 в перечень находок древних каменных и бронзовых изделий с территории Воронежской губернии, поступивших в ВГСК с 1863 по 1893 г. [9, с. 166].

Как уже было сказано, С. Е. Зверев принимал участие в работе IX Археологического съезда (начиная с этого съезда, он становится постоянным их участником). Приехав на столь солидный форум впервые, он не выступал с отдельным докладом, но принял деятельное участие в научных дискуссиях. В частности, 10 августа на общем собрании съезда С. Е. Зверев в дополнение к реферату В. Б. Антоновича «О бронзовом веке в бассейне Днепра» сообщил аудитории о находках бронзовых изделий (преимущественно топоров) в бассейне р. Дон в пределах Воронежской губернии, перечень которых помещен им в уже упомянутой нами статье «Воронежские древности», и, в частности, о скакунских четырех топорах, двух долотах и ноже (так названа в протоколе долотовидная пластинка с расширенным концом. – Е. З.) [10, с. 77]. Попутно укажем, что на этом же съезде С. Е. Зверев высказался и по докладу Х. И. Попова «Где находилась хазарская крепость Саркел», справедливо указав на важность для выяснения данного вопроса путевых заметок дьякона Игнатия о путешествии митрополита Пимена в Константинополь по Дону, видевшего «остатки города Саркела» [10, с. 102].

После съезда Императорское Московское археологическое общество (ИМАО) в заседании 10 ноября 1893 г. единогласно избрало С. Е. Зверева своим членом-корреспондентом «во внимание к участию в деятельности IX Археологического съезда и в уважение его научных занятий» [4, с. 154]. Впоследствии 19 декабря 1906 г. С. Е. Зверев был избран действительным членом этого общества «в уважение к ученым трудам и в признательность за постоянное содействие целям ИМАО» [4, с. 155].

В дальнейшем С. Е. Зверев не обращался к скакунским древностям. Их культурная

атрибуция впервые была дана известным отечественным археологом А. А. Спицыным, отнесшим их к медному веку [11, с. 134]. Затем они неоднократно привлекали внимание археологов – специалистов по эпохе бронзы, фигурируя в специальной литературе под названием «скакунский клад». При этом были высказаны различные мнения по поводу их культурной атрибуции. Г. В. Подгаецкий [12, л. 92–96], О. А. Кривцова-Гракова [13, с. 145, 147], В. П. Шилов [7, с. 22, 23, 26], А. Д. Пряхин [14, с. 77], А. М. Лесков [15, с. 145, 166–170] относят эти изделия к древностям срубной общности эпохи поздней бронзы. О. А. Кривцова-Гракова и А. М. Лесков к тому же указывают на их кавказское происхождение. Соглашаясь с последним утверждением и подкрепляя его результатами анализа химического состава этих изделий, Е. Н. Черных несколько удревает время бытования этих вещей, соотнося их с позднекатакомбными древностями. По его мнению, «эти клады (в том числе скакунский. – Е. З.) четко определяют финал кавказского влияния в степях, связанного с катакомбной культурой, – финал, вызванный приходом сюда срубного населения» [16, с. 115].

Воодушевленный столь успешным началом своей археологической деятельности, С. Е. Зверев на протяжении 1893 г. продолжает работу по систематизации сведений о случайных находках на территории Воронежской губернии (и Области войска Донского), результатом чего становятся еще две сводки археологических данных. Первая из них, наиболее обширная, содержит статистику находок монет и предметов религиозного культа в бассейне Дона, сведения о которых были почерпнуты из разных источников: каталога Виленской археологической выставки, губернских ведомостей, Трудов археологических съездов, Этнографического альбома Н. И. Второва [17]. Раскрывая значение этих археологических находок, С. Е. Зверев справедливо отметил, что монетные находки «указывают на торговые сношения древних обитателей Дона с Македонией, Римом, Босфором, Византией и даже с отдаленным Самаркандом, и вместе с тем, в связи с другими бытовыми находками, дают основание предполагать о большем или меньшем культурном влиянии названных стран на общий склад и характер древнепридонской жизни» [17, с. 196–197]. Еще более определенные указания, по его мнению,

«дают находки, относящиеся к предметам религиозного почитания»: на «характер языческой религии на Дону» указывают находки «бронзовых истуканов» близ пос. Усть-Мечетинского и «буддийского кумира» около с. Гвазда, а «несомненное существование христианства на Дону в X–XII вв.» подтверждают христианские древности, открытые в ст. Цимлянкой в Области войска Донского [17, с. 197, 200].

Информацию последних лет о поступивших в ВГСК сведениях об археологических находках он, будучи вновь избранным членом-корреспондентом ИМАО, докладывает на заседании этого общества 3 мая 1894 г., и она публикуется на страницах издания этого общества [18, с. 165–166].

Руководствуясь последними данными, С. Е. Зверев уже самостоятельно намечает обширный маршрут своей следующей экспедиции. Через посредничество губернатора (№ 245 от 19 мая 1894 г.) он ходатайствует перед ИАК о выделении открытого листа и денежного пособия для раскопок в этих местностях. «В видах изучения Воронежского края в археологическом отношении, член-секретарь Воронежского губернского статистического комитета изъявляет готовность заняться в течение июня – сентября сего года производством раскопок в тех местах губернии, где в последнее время обнаружены были археологические находки: 1) в сл. Марченковой Острогжского уезда, где в кургане найден был каменный молот, 2) близ села Белого Колодезя Валуйского уезда. Здесь в июле 1892 г. найдены были в неизвестно кем разрытом кургане два глиняных горшка с узорами и полуистлевшие человеческие кости, 3) в с. Семилуках Воронежского уезда, где в мае месяце сего года случайно найден клад серебряных золотоордынских монет (34 экз.) с весьма интересным русским монетным слитком, относящимся, по-видимому, ко временам великого князя Димитрия Донского» [19, л. 1]. ИАК одобрила намеченный С. Е. Зверевым план полевых работ и вместе с открытым листом выделила авансом 100 р. для их осуществления [19, л. 2–3, 14].

Однако намеченные планы не были осуществлены в связи с подготовкой и принятием С. Е. Зверевым духовного сана дьякона и вступлением в должность священника Михаила-Архангельской церкви при Михайловском воронежском кадетском корпусе [4,

с. 154], о чем он сообщил в ИАК: «Императорской археологической комиссией поручено было мне произвести в 1894 г. археологические разыскания в разных местностях Воронежской губернии, мною же предварительно намеченных. По личным обстоятельствам я не имел возможности отдаться всецело в 1894 г. предположенной мною археологической работе и успел предварительно обследовать только одну местность в пределах с. Семилук Воронежского уезда. Представляя при сем на усмотрение Комиссии собранные мною данные, имею честь возвратить выданный мне открытый лист, а равно и назначенную на производство раскопок сумму – сто руб.» [19, л. 12]. «По приезде на место мною узнано было, что означенные монеты найдены были ранней весной в селении, на склоне горы, близ дороги, спускающейся к Дону. Монеты найдены без всякого сосуда... Раскопок археологических в местности с. Семилук никогда не производилось» [19, л. 13].

В следующий раз С. Е. Зверев выехал на обследование памятников древности спустя пять лет в августе 1899 г. Этой поездке также предшествовало поступление в ВГСК находок из данной местности. Речь идет о серии металлических, каменных и глиняных изделий (наконечник копья, шесть ножей (три из них в обломках), два каменных наконечника булавы (одно фрагментированное), обломок сосуда), препровожденных в ВГСК из с. Мазурки Песковской волости Новохоперского уезда. Нашедшие эти вещи крестьяне сообщили, что все они были обнаружены в кургане в бревенчатом сооружении наподобие землянки. Керамическая серия включала 12 сосудов, но они были перебиты на месте [20, л. 1].

Поскольку к приезду С. Е. Зверева (находился в с. Мазурки с 18 по 23 августа [20, л. 25–30]) курган «оказался не совершенно расхищенным», он, при активном содействии Михаила Филипповича Мартынова – чиновника Воронежской казенной палаты, силами 35 рабочих приступил к его исследованию, в процессе которого на разной глубине были обнаружены остов лошади без головы, орнаментированный бронзовый котел, костяк человека, лежавший в вытянутом положении головой на северо-запад (при нем костяная бляшка, обломок орнаментированного горшка, у ступней – череп собаки), фрагменты других глиняных сосудов, кости домашних животных и птиц. Сведения о находках

крестьян и раскопках С. Е. Зверева были опубликованы в соответствующем отчете ИАК и переданы на хранение в ИРИМ [21, 22]. Подробное описание кургана, произведенных на нем работ и интерпретация полученных результатов даны в работе А. Ф. Шокова 1954 г., справедливо полагавшего, что под курганом находилось несколько («два, если не три») разновременных погребений: эпохи бронзы, скифского времени и еще более позднего времени [23, с. 138–142].

Безусловно, материалы Мазуркинского кургана представляют интерес как для специалистов по эпохе бронзы, так и для скифологов. Но в связи со спецификой имеющейся в распоряжении исследователей информации по данному памятнику в научной литературе фигурируют лишь отдельные предметы из этого кургана. Металлические ножи и наконечник копья отнесены специалистами к срубным древностям эпохи поздней бронзы на основании типологического и химического анализов [12, л. 59; 14, с. 78; 16, с. 127], бронзовый котел учитывается при анализе среднедонских материалов скифского времени в числе изделий местного производства [24, с. 90; 25, 111, 116].

Сам автор раскопок результаты своих работ в с. Мазурки изложил в газетной заметке «Археологические раскопки», опубликованной в Московских ведомостях [26]. Хотя она и анонимна (за подписью N. – от нашего корреспондента), ее текст представляет собой фрагмент отчета С. Е. Зверева, присланного в ИАК [20, л. 32–34], что позволяет именно его считать автором данной статьи.

В первые годы XX в. пристальное внимание воронежских краеведов с точки зрения археологического обследования вновь привлекли к себе окрестности г. Воронежа. Это было обусловлено возобновившейся в их среде дискуссией о локализации летописного Воронежа XII в., инициатором которой на сей раз стал С. Н. Введенский. 15 мая 1902 г. в заседании ВУАК был прочитан его доклад «Вопрос о существовании г. Воронежа в XII веке», вызвавший оживленные прения. В числе сторонников гипотезы о существовании города в домонгольский период выступил С. Е. Зверев с сообщением «К вопросу о древнем Воронеже». Рассуждая о том, что из-за «неопределенности основного летописного свидетельства летописные данные и позднейшие исторические материалы по вопросу о древ-

нем Воронеже еще не раз будут пересматриваться», он выразил надежду на то, что «такому колебанию, вероятно, положат конец новые археологические данные, которых пока для данной цели мы имеем еще слишком мало» [27, с. LXXIV].

С целью обретения таких данных уже летом того же 1902 г. членом ВУАК А. И. Милютиным были обследованы северные окрестности Воронежа от с. Подклетного до с. Подгорного. Им была зафиксирована цепочка курганов, известная местным жителям под названием «Стрелица» или «Частые курганы» и включающая, по преданию, княжеские захоронения; собран подъемный материал (керамика, грузила, кремнь, шлаки, кость), а у полы одного из курганов заложен пробный раскоп, в котором обнаружены кости животных и фрагменты керамики [28].

Сообщение А. И. Милютина на заседании комиссии 14 октября 1902 г. породило общий вопрос об учреждении особой специальной Комиссии по раскопкам в пределах Воронежской губернии из членов ВУАК, уже занимавшихся раскопками единолично. Реализация этого проекта была поручена С. Е. Звереву [29, с. XVIII]. Какого-либо официального оформления особая Комиссия в дальнейшем не получила, но благодаря целенаправленным действиям С. Е. Зверева за несколько лет ему удалось объединить усилия своих коллег в этом направлении.

Осенью 1904 г. С. Е. Зверев и А. И. Милютин совместно продолжили обследование воронежских окрестностей, осмотрев уже более обширную территорию: в пределах 30–40 км во все стороны вокруг Воронежа. О результатах было доложено в заседании ВУАК 22 октября 1904 г. Особое внимание они уделили курганам на правом берегу р. Воронеж близ Хазарского городища и на Лысой горе, где, по их подсчетам, находилось до 350 курганов. В разных местах обследуемой территории был собран подъемный материал: монеты II в. у с. Шилова, золотоордынские монеты XV в. у с. Подклетного, кости мамонта у с. Костенки и др. [30, с. XXXVI].

Закономерным продолжением работ в указанном направлении стала организация в 1905 г. А. И. Милютиным, В. Д. Языковым, С. Е. Зверевым и М. К. Паренаго раскопок одного из курганов на могильнике у Хазарского городища («близ кадетских лагерей», на Лысой горе). В отчете указано, что в

кургане были обнаружены черепки и кости животных, а также остатки золы, указывающие на совершенное трупосожжение [31]. В. Д. Языковым был начерчен план могильника и раскопанного кургана [32]. Эти же исследователи провели и изучение в том же 1905 г. двух разрушенных погребений близ с. Девица Воронежского уезда на месте разработки песка товариществом В. И. Горна: найдены череп и фрагменты посуды с веревочным орнаментом [31]. Все находки были переданы в губернский музей. Сообщение по результатам проведенных полевых работ «Археологические раскопки в Воронежской губернии в 1905 году» сделал С. Е. Зверев в заседании ВУАК 25 ноября 1905 г.

В августе 1905 г. С. Е. Зверев участвовал в работе XIII Археологического съезда в Екатеринославле, но от каких-либо выступлений по археологической проблематике воздержался.

В 1906 г. членами ВУАК было продолжено археологическое обследование окрестностей Воронежа по р. Воронеж. Поскольку организаторы планировали проведение широкомасштабных работ, С. Е. Зверев получил разрешение со стороны ИАК (открытый лист от 26 мая 1906 г. № 668 [33, л. 3]). В исследованиях помимо него, как и в предыдущем году, принимали участие В. Д. Языков и М. К. Паренаго и впервые — А. И. Мартинович. Они включали проведение археологических экскурсий и раскопок.

В ходе предпринятых экскурсий (май 1906 г.) была осмотрена территория по правому берегу р. Воронеж от с. Шилова до с. Чертовицкого. В результате были собраны материалы «для составления археологической карты реки Воронеж»: кроме уже известного Хазарского были открыты еще четыре городища (на так называемой второй стоянке близ лесного кордона, у с. Чертовицкого, у с. Рамонь, у с. Шилова), а также группа курганов близ пятой стоянки за лесным кордоном у с. Чертовицкого [34, с. LXXXVI; 35, с. 113]. Раскопки были организованы на двух могильниках — на Лысой горе и у с. Чертовицкого («близ пятой стоянки за лесным кордоном»).

О результатах проведенных исследований М. К. Паренаго сделал доклад «Раскопки по берегам реки Воронеж в 1906 г.» в заседании ВУАК 29 мая 1907 г. [36, с. XCV]. Отчет о раскопках на Лысой горе был подготовлен А. И. Мартиновичем и опубликован [32]. Он же доложил об итогах раскопок на обоих па-

мятников на XIV Археологическом съезде в Чернигове (выступление состоялось 8 августа 1908 г. [35, с. 113]). Всего было вскрыто 26 могил (курганов ? – Е. З.): вблизи так называемого Хазарского городища – 11, около с. Чертовицкого – 15. Везде зафиксирован один и тот же тип погребения: трупосожжение на месте с погребением остатков в глиняных горшках... Никаких украшений и предметов домашнего обихода найдено не было. В насыпном слое попадались только черепки битой посуды и кости крупного рогатого скота (не обожжены); в двух насыпях были найдены глиняные пряслица того же типа, что и на Хазарском городище [35, с. 113–114].

Хотя А. И. Мартинович и называет раскопки «малочисленными», но они позволили сделать вывод о том, что «курганы Лысой горы представляют погребальные насыпи одного из славянских племен, обитавших в древности на берегу р. Воронеж» [32, с. 66], и тем самым опровергнуть бытовавшее представление о том, что все городища на р. Воронеж принадлежали хазарам.

Однако проводимые воронежскими исследователями работы не вызвали интереса со стороны ИАК, на поддержку которой (прежде всего, финансовую) рассчитывала ВУАК. В ответ на прошение ВУАК, написанное С. Е. Зверевым (от 22 июня 1906 г. № 743), где сообщалось о производимых раскопках и содержалась просьба «принять участие в их окончании ассигнованием денежного пособия в размере 200 руб.» [33, л. 5–6], ИАК официально уведомила (от 7 июля 1906 г. № 839), что «исследование находящихся в окрестностях Воронежа курганов и городищ, к сожалению, не входит в число задач, стоящих для нее на ближайшей очереди» [33, л. 7]. Позиция головного археологического учреждения была принята к сведению в Воронеже, и раскопки на этих памятниках не возобновлялись вплоть до середины 1920-х гг.

Приоритетное внимание, по мнению ИАК (высказанному прибывшим в Воронежскую губернию А. А. Спицыным), ВУАК должна уделить исследованию Маяцкого городища и его окрестностей [34, с. LXXXVI]. Поручение было принято к исполнению, и, судя по имеющимся данным, работы на памятнике проводились (точнее сказать, планировались) ежегодно на протяжении пяти лет – с 1906 по 1909 (1910?) г. (в 1908, 1909 гг. независимо от проводившихся там работ Н. Е. Ма-

каренко). К сожалению, информация об этих исследованиях очень фрагментарна. Подробный отчет имеется только за первый год работ (1906 г.), когда по поручению А. А. Спицына раскопками руководил А. И. Милютин [37], но в этих работах С. Е. Зверев участия не принимал.

В 1907 г. ИАК предложила ВУАК продолжить раскопки «могильника у Маяцкого городища» (городище копать запретили). На имя С. Е. Зверева был выдан открытый лист (от 7 мая 1907 г. № 568) и ассигновано 150 р. [38, л. 5]. Из высланного в адрес ИАК финансового отчета мы узнаем, что работы на памятнике проводились с 14 по 22 июня силами 20 рабочих, из членов ВУАК в них участвовали вместе со С. Е. Зверевым В. Д. Языков и М. К. Паренаго [38, л. 13–14]. Отчет о проведенных раскопках был подготовлен и выслан в ИАК В. Д. Языковым, но в архиве этой комиссии он не обнаружен. Там содержится лишь уведомление на имя автора о его получении [38, л. 8].

Информация о раскопках составляет содержание опубликованного в протоколах XIV Археологического съезда краткого изложения доклада к этому форуму, подготовленного В. Д. Языковым и зачитанного С. Е. Зверевым ввиду отсутствия автора [35, с. 78–79]. В нем сообщается, что местность вокруг городища «представляет всюду много западин» различных форм — бочкообразных, круглых, горшковидных; западины «оказались или остатками жилищ, или зернохранилищами»; при раскопках здесь попадались «камни в виде жерновов, пряслица, ножи, кольца и проч.» Кроме того, были обнаружены остатки четырех жилищ и разграбленное погребение — три костяка в «камере кубической формы». Были раскопаны два кургана близ городища; в одном из них найден железный топор.

После прочтения доклада на вопрос С. Е. Зверева, кому могло принадлежать описанное городище, профессор Д. Я. Самоквасов предположил, что «городище является, судя по всему, хазарским и имеет сходные черты с городищами в Чми (Осетия), в Салтове и с городищем в Боголюбовском уезде» [35, с. 79].

В следующем, 1908 г., С. Е. Зверев запросил и получил открытый лист (от 2 июля 1908 г. № 1087) на проведение раскопок в пределах сразу трех уездов Воронежской губернии: Воронежском, Острогожском и Павловском [38, л. 10]. Что предполагалось ис-

следовать в Воронежском уезде – неизвестно. В Острогожском уезде продолжили раскопки на Маяцком городище, но отчета об этих исследованиях в архиве ИАК не обнаружено. Согласно имеющейся информации, 10 апреля 1910 г. С. Е. Зверев направил в адрес ИАК отношение, в котором уведомил о высылке отчета об израсходовании аванса в 150 р., отпущенных на работы 1908 г., а также сообщил, что «отчет о раскопках будет представлен особо в непродолжительном времени» [39, л. 4]. Согласно финансовому отчету, работы на Маяцком городище проводились в августе в течение 15 рабочих дней силами 4 рабочих [38, л. 30].

В Павловском уезде С. Е. Зверев в июле 1908 г. осмотрел «городища вблизи камня Буила». Результаты этих исследований отражены в его докладе «Камень Буил на Дону. Следы древнерусского язычества в Придонском крае» на XIV Археологическом съезде [35, с. 255–261]. Гранитный утес, имевший собственное имя Буил, упоминался в документах конца XVII в. как «выдающаяся достопримечательность Придонского края»; свое имя он дал находившимся поблизости населенным пунктам (Русская Буйловка и Хохлацкая Буйловка). Л. Б. Вейнберг и Е. Л. Марков, писавшие о камне, считали, что в древности с камнем был связан какой-то древнерусский языческий культ [40, 41]. С. Е. Зверев в докладе привел предполагаемые материальные следы этого культа (так как народных легенд уже не сохранилось): на городищах вблизи утеса уцелели «священные очаги» – определенные места, обложенные осколками камня Буила (на остальном пространстве городищ эти осколки не встречались). Он обратился с просьбой опубликовать доклад и фотографии камня в «Трудах съезда», так как камень был куплен для разработки неким подрядчиком, что и было сделано.

В 1909 г. раскопки на Маяцком городище были продолжены. Отчета о раскопках в архиве ИАК не обнаружено. Сохранилось лишь уведомление ВУАК (от 22 мая 1910 г.) о том, что «в 1909 г. были произведены раскопки в окрестностях Маяцкого городища, отчет о которых доложен действительным членом Комиссии А. И. Мартиновичем в заседании Комиссии 9 апреля сего года. Отчет о раскопках 1909 г. будет представлен в ИАК в непродолжительном времени» [39, л. 37]. Из поступившего в ИАК финансового отчета сле-

дует, что раскопки проводились с 3 по 10 августа с привлечением рабочих от 16 до 25 человек ежедневно. Кроме того, 5–6 августа были совершены разведочные поездки по р. Дон в окрестностях Маяцкого городища. Судя по распискам об оплате труда, выписанным на имя В. Д. Языкова, непосредственное руководство раскопками осуществлял он [38, л. 30].

В том же, 1909 г., С. Е. Зверев и А. И. Мартинович сделали попытку раскопать один курган на одном из самых известных воронежских могильников «Частые курганы». Историю его исследования в первые полевые сезоны детально рассмотрел С. Н. Замятнин [42]. Осенью они приступили к работам «собственноручно с помощью двух рабочих и двух добровольцев, учащихся средней школы». Попытка закончилась неудачей из-за недостатка рабочих рук и начала озимого сева [42, с. 10].

В 1910 г. планировалось продолжать раскопки в окрестностях Маяцкого городища и, кроме того, были намечены археологическая поездка по р. Дон для изучения городищ по берегам этой реки в пределах Воронежской губернии и раскопки под г. Воронежем в урочище Частые курганы (в этом урочище 28 курганов, часть их предполагается раскопать) [39, л. 37].

Что касается работ на Маяцком городище, то подтверждений их проведения в 1910 г. пока не найдено. Нет у нас и информации, касающейся поездки по р. Дон. Пока можно говорить о реализации лишь одного пункта из намеченного плана. Были раскопаны полностью два крупных кургана в южной части урочища Частые курганы и осенью начаты раскопки третьего, отложенные из-за начавшихся полевых работ. В этих работах наряду с С. Е. Зверевым участвовали А. И. Мартинович, В. Д. Языков, М. К. Паренаго, граф П. Н. Апраксин и сын С. Е. Зверева Михаил.

Названный знаменитый курганный могильник, раскапывавшийся членами ВУАК и в последующие годы (1911, 1912, 1915 гг.), стал последним из археологических памятников, в раскопках которых принимал участие С. Е. Зверев. Как явствует из архивных материалов и публикаций, отражающих историю изучения этого памятника в указанные годы, он принимал участие в раскопках всех 13 курганов, вскрытых за четыре полевых сезона, но полевой документацией, подготов-

кой отчетов и публикацией информации о ходе работ занимался в основном А. И. Мартинович, в меньшей степени В. Д. Языков и А. Л. Дольский. С. Н. Замятин, сам непосредственно участвовавший в работах 1915 г., а затем суммарно опубликовавший материалы раскопок ВУАК, сообщает о хранившемся в Воронежском музее рукописном отчете С. Е. Зверева, посвященном самому знаменитому (благодаря находке серебряной вазы) третьему кургану, раскопанному в 1911 г. [42, с. 11]. Есть также информация о выступлении С. Е. Зверева с рефератом «О раскопках ВУАК в 1910–1911 гг. в урочище Частые курганы близ г. Воронежа» в заседании Предварительного комитета к XVI Археологическому съезду (3 января 1912 г.). Чтение доклада «сопровождалось демонстрированием гипсовых слепков и фотографических снимков сделанных находок», отпечатанные описи найденных предметов раздавались присутствующим [43]. Публикаций С. Е. Зверева, посвященных «Частым курганам», не имеется.

В связи с изложенным ограничимся констатацией того факта, что при непосредственном участии С. Е. Зверева был получен исключительный по своей научной значимости материал, сразу же вошедший в обобщающие работы по скифской проблематике и тем самым приобретший не только всероссийскую, но и мировую известность благодаря трудам выдающихся отечественных археологов М. И. Ростовцева [44, 45] и А. А. Спицына [46].

С. Е. Зверев участвовал еще в нескольких археологических экскурсиях 10-х гг. XX в., две из которых документируются. В 1911 г. вместе с другими членами ВУАК он обследовал местность при впадении р. Воронеж в Дон, известную в народе под названием «Чермного Яра». Поездка сопровождалась опросами крестьян-старожилов, съемкой местности, пробными археологическими раскопками. Это урочище было издавна известно находками самых разных эпох: здесь находили орудия каменного века, фрагменты горшков, стеклянные разноцветные бусины, наконечники стрел, человеческие кости, остатки железа, крест-энколпион со старинными славянскими надписями (был найден в Жировском лесу и передан в губернский музей), предметы петровской эпохи. По результатам экскурсий С. Е. Зверев издал в 1911 г. брошюру «Археологические экскурсии на Червлёный Яр в 1911 году» [47].

В июле 1914 г. С. Е. Зверев и М. П. Трунов совершили две поездки «с историко-археологической целью»: в Задонском уезде они осмотрели церковь в с. Боринские Заводы и «петровскую мельницу» близ бывшего г. Белоколодска; в с. Романове Липецкого уезда Тамбовской губернии также церковные древности и «царский» колодезь, находившийся под горой, на которой, по преданию, стоял дворец боярина И. Н. Романова, дяди царя Михаила Федоровича [48].

Подведем итоги. Полевая археологическая деятельность С. Е. Зверева охватывает более чем двадцатилетний период с 1892 по 1915 г. За это время под его руководством или при непосредственном участии были проведены раскопки на шести археологических памятниках, давших яркие свидетельства от эпохи бронзы до Средневековья. С. Е. Зверев участвовал и в археологических экскурсиях с целью выявления новых памятников старины и обследования уже известных по письменным источникам. Результаты полевых исследований у него чаще находили отражение в отчетной документации, нежели в научных трудах. Специальных работ по археологии аналитического или обобщающего характера он не написал, но в его публикациях и выступлениях заложены основы археологической статистики Воронежского края, привлечено внимание к наиболее ярким объектам археологического наследия.

Видный исследователь, общественный деятель, подвижник исторического изучения Воронежской губернии, С. Е. Зверев являлся и одним из главных инициаторов и организаторов археологических исследований в крае в конце XIX – первые десятилетия XX в. В год 150-летия со дня его рождения данная статья призвана еще раз напомнить коллегам и всем читателям, что среди зачинателей воронежской археологии следует по праву почитать Стефана Егоровича Зверева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чесноков В. И. За архивной строкой / В. И. Чесноков // Записки воронежских краеведов. – Воронеж, 1979. – Вып. 1. – С. 89–95.
2. Алленова В. А. С. Е. Зверев – создатель Воронежского губернского музея / В. А. Алленова // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1998. – Вып. 7. – С. 118–135.
3. Зверев М. С. С. Е. Зверев, его семья и культурная жизнь Воронежа конца XIX века – первых лет советской власти / М. С. Зверев // Воронеж-

ский краеведческий сборник : из истории культуры края. – Воронеж, 1985. – С. 124–144.

4. Клировая ведомость о службе С. Е. Зверева (Предисловие, публикация и комментарии А. Н. Акиншина) // Церковь и ее деятели в истории России : межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – С. 151–158.

5. РА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1891. – Д. 170. Дело ИАК о древностях, найденных в Земляном и Острогском уездах Воронежской губ. 9 ноября 1891 – 20 июля 1895. – 42 л.

6. V. Раскопки в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1892 г. – СПб., 1894. – С. 41–42.

7. Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье / В. П. Шилов // Материалы и исслед. по археологии СССР. – 1959. – № 60. – С. 11–38.

8. Зверев С. Е. Нечто о наших древних памятниках до XVIII века / С. Е. Зверев // Воронеж. губерн. ведомости. – 1892. – № 74.

9. Зверев С. Е. Воронежские древности (статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 г.) / С. Е. Зверев // Памятная книжка Воронеж. губ. на 1893 год. – Воронеж, 1893. – С. 161–167.

10. Труды девятого Археологического съезда в Вильне. 1893. – М., 1897. – Т. 2.

11. Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губерния / А. А. Спицын // Зап. Рус. археол. о-ва. – Т. VIII, вып. 1–2. Новая серия : труды отделен. рус. и слав. археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896. – С. 132–140.

12. Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону / Г. В. Подгаецкий // РА ИИМК РАН. – Ф. 35. – Оп. 2. – Д. № 146. – 142 л.

13. Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О. А. Кривцова-Гракова // Материалы и исслед. по археологии СССР. – 1955. – № 46. – 165 с.

14. Пряхин А. Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону / А. Д. Пряхин // Из истории Воронежского края : труды ВГУ. – Воронеж, 1966. – Т. 64. – С. 77–106.

15. Лесков А. М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы / А. М. Лесков // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. – Киев, 1967.

16. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е. Н. Черных // Материалы и исслед. по археологии СССР. – 1970. – № 172. – 180 с.

17. Зверев С. Е. Материалы по археологии Дона (находки монет и предметов религиозного культа, относящихся к древнейшим временам по XII в. включительно) / С. Е. Зверев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. – Воронеж, 1894. – С. 194–200.

18. Приложение I к протоколу № 445. Археологические находки в Воронежской губернии в 1892–1893 гг. чл.-кор. С. Е. Зверева // Древности : труды ИМАО. – М., 1900. – Т. 17. – С. 165–166.

19. РА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1894. – Д. 77. Дело ИАК по ходатайству г. воронежского губернатора о разрешении производства раскопок секретарю статистического комитета Звереву. 23 мая 1894 – 2 июня 1895. – 20 л.

20. РА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1899. – Д. 66. Дело ИАК о древностях, найденных при раскопке кургана в с. Мазурки Новохоперского уезда Воронежской губернии. – 41 л.

21. Случайные находки : Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1899 г. – СПб., 1902. – С. 118.

22. 9. Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1899 г. – СПб., 1902. – С. 101–102.

23. Шоков А. Ф. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона (раскопки С. Е. Зверева и В. Н. Тевяшова) / А. Ф. Шоков // Известия ВГПИ : ист.-филол. фак. – Воронеж, 1954. – Т. XV. – С. 135–149.

24. Пузикова А. И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области / А. И. Пузикова // Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. – 1966. – № 107. – С. 80–91.

25. Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. / А. П. Медведев. – М., 1999. – 160 с.

26. N. Археологические раскопки (от нашего корреспондента). Воронеж, 30 августа // Моск. ведомости. – 1899. – № 241, 2 сент.

27. Зверев С. Е. К вопросу о древнем Воронеже (По поводу реферата С. Н. Введенского) / С. Е. Зверев // Труды ВУАК. – Воронеж, 1904. – Вып. II. – С. LXVIII–LXXIV.

28. Милютин А. И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда / А. И. Милютин // Труды ВУАК. – Воронеж, 1904. – Вып. II. – С. XIX–XXII.

29. Труды ВУАК. – Воронеж, 1904. – Вып. II.

30. Отчет о деятельности ВУАК за 4 год ее существования (1 декабря 1903 г. – 1 декабря 1904 г.) // Труды ВУАК. – Воронеж, 1908. – Вып. IV. – С. XXXVI–XXXVIII.

31. Отчет о деятельности ВУАК за 5 год ее существования (1 декабря 1904 г. – 1 декабря 1905 г.) // Труды ВУАК. – Воронеж, 1908. – Вып. IV. – С. LXIII.

32. Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. / А. И. Мартинович // Труды ВУАК. – Воронеж, 1908. – Отдел I. – Вып. IV. – С. 63–66.

33. РА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1906. – Д. 71. Дело ИАК о раскопках Воронежской ученой архивной комиссии. – 14 л.

34. Отчет о деятельности ВУАК за 6 год ее существования (1 декабря 1905 г. – 1 декабря

1906 г.) // Труды ВУАК. – Воронеж, 1908. – Отдел III. – Вып. IV. – С. LXXXI–LXXXVIII.

35. Труды четырнадцатого Археологического съезда в Чернигове. 1909. – М., 1911. – Т. III.

36. Труды ВУАК. – Воронеж, 1908. – Вып. IV.

37. Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище / А. И. Милютин // Известия ИАК. – СПб., 1909. – Вып. 29. – С. 153–163.

38. РА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1907. – Д. 56. Дело ИАК о раскопках свящ. С. Е. Зверева в Острогожском уезде Воронежской губернии. 7 мая 1907 – 29 апреля 1909. – 31 л.

39. РА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1909. – Д. 38. О раскопках Воронежской ученой архивной комиссии. 2 июля 1908 – 1 апреля 1914. – 114 л.

40. Вейнберг Л. Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии / Л. Б. Вейнберг. – Воронеж, 1891. – С. 55–58.

41. Марков Е. Л. Поездка к камню Буилу / Е. Л. Марков // Памятная книжка на 1894 год. – Воронеж, 1894. – С. 127–146.

42. Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (раскопки ВУАК

1910–1915 гг.) / С. Н. Замятнин // Сов. археология. – 1946. – Вып. VIII. – С. 9–50.

43. Правила XVI Археологического съезда в г. Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний Предварительного комитета съезда 2–6 января 1912 г. // ЦИАМ. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 417. – Л. 14 об.

44. Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд / М. И. Ростовцев. – Пг., 1914. – 14 с.

45. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор / М. И. Ростовцев. – Л., 1925. – С. 534–538.

46. Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей / А. А. Спицын // Изв. археол. комиссии. – Пг., 1918. – Вып. 65. – С. 87–143.

47. Зверев С. Е. Отчет Воронежской ученой архивной комиссии (1910 г. – 1 декабря 1911 г.). / С. Е. Зверев. – Воронеж, 1912. – С. 6–7.

48. Зверев С. Е. Отчет состоящей под августейшим его императорского величества государя императора покровительством Воронежской ученой архивной комиссии. Четырнадцатый год существования (1913 г. – 1 декабря 1914 г.). / С. Е. Зверев. – Воронеж, 1915. – С. 22–24.

Воронежский государственный университет

Захарова Е. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: ez@hist.vsu.ru

Тел.: 39-29-35

Voronezh State University

Zakharova E. Y., Candidate of the Historical Science, Associate Professor of the Archaeology and Ancient History Department

E-mail: ez@hist.vsu.ru

Tel.: 39-29-35